

УДК 82.091 +УДК 821.133.1.05

**СВОЕОБРАЗИЕ АНТРОПОМОРФИЗМА
В СРЕДНЕВЕКОВОМ «РОМАНЕ О ЛИСЕ» И ПОЭМЕ ГЁТЕ «РЕЙНЕКЕ-ЛИС»**

© 2013 г.

Е.В. Казакова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kazakova.e.v@gmail.com

Поступила в редакцию 25.05.2012

Рассматриваются общие черты и различия приема антропоморфизма в средневековом «Романе о Лисе» и поэме Гете, особенности создания образов главных персонажей.

Ключевые слова: антропоморфизм, средневековый роман, интерпретация, вариант.

Одним из первых и самых ярких примеров анималистической литературы является средневековый «Роман о Лисе», где главные персонажи, животные, вступая в различного рода взаимоотношения, составляют основу сюжета произведения. «Роман» начал создаваться во второй половине XII века французскими авторами, имел огромный успех, был переведен на многие языки, получил различные интерпретации и варианты в европейских культурных традициях (немецкой, фламандской, английской и др.) и остался литературным памятником не только эпохи Средневековья. Интерес читателей к «Роману о Лисе» вернулся в XVIII веке благодаря переработке средневекового произведения Иоганном Вольфгангом фон Гете. С тех пор сюжет не забыт и используется в современной литературе, а в последнее время и в искусстве многих европейских стран.

«Роман о Лисе» возник в пору расцвета рыцарского романа как его комическая, во многом пародийная параллель. В нем также повествуется о приключениях, в том числе рыцарских и любовных. Но отличие «Романа» от куртуазной литературы в том, что в последнем участники – животные, и ведут они себя не по-рыцарски, а как отъявленные мошенники или как глуповатые простаки, нередко жестокие. Героический эпос и куртуазный роман отражали мировосприятие высших слоев средневекового общества. Появление сатирической литературы позволило выразить себя народному духу.

«Роман о Лисе» состоит из 27 независимых друг от друга произведений, «ветвей». Предполагается, что авторов, составивших основной корпус романа с 1175 по 1205 год было около двадцати, но большинство из них остались неизвестными. В частях романа не соблюдается хронология событий, и каждая новая история не

связана с предыдущей; поэтому части романа сравниваются с ветвями дерева, которые растут каждая в своем направлении, но имеют общий «ствол»: сюжет и персонажей. Основной конфликт произведения – противоборство волка Изенгринга и лиса Ренара – устанавливается с самых первых «ветвей» «Романа». Этот сюжет восходит к басенной традиции, к латинским памятникам животного эпоса. Характеры и роли также заложены в первых «ветвях» и впоследствии уже не меняются.

«Роман о Лисе» пользуется во Франции чрезвычайной популярностью и служит материалом для законченных произведений отдельных авторов, работающих в жанре фэблио, городской литературы. «Роман» имеет большой успех и за пределами Франции. В 1180 году одна из французских версий романа переведена Генрихом Лицемером на немецкий язык, а в XIII веке появляется фламандский вариант средневекового романа (*Van den vos Reynaerde*). К этой версии восходят все позднейшие немецкие редакции «Романа о Лисе», в том числе *Reineke de Vos* (1498), которой в 1793 году воспользовался Гете для написания сатирической поэмы «Рейнеке-лис».

Несмотря на значительную разницу во времени создания произведений, сравнение сюжетов и образной системы, а также приемов, используемых для описания характеров и поступков основных персонажей и воссозданных в средневековом романе и поэме Нового времени картин современного авторам общества, позволяет выявить новые глубинные аспекты, заложенные в произведениях. Авторы как «Романа о Лисе», так и «Рейнеке-лиса» преследовали единую цель – выявить при помощи пародии, сатиры и приемов антропоморфизма недостатки социального строя, показать слабость, недееспособ-

собность и произвол власти и церкви, незащищенность и угнетенность простого народа.

Основной идеей, определившей появление средневекового произведения, стало перенесение признаков человеческих существ на представителей животного мира. С самых первых «ветвей» «Романа» антропоморфизм персонажей выявляется весьма отчетливо. Авторы «ветвей» не ставят перед собой задачи реалистично передать повадки животных и их взаимоотношения в природе, напротив, имея в своей основе бестиарии и физиологи, рассказывавшие о реальных животных и особенностях их поведения в дикой природе, они наделяют животных-персонажей несвойственными им качествами. Так, волк наделяется в «Романе о Лисе» простодушием, неловкостью, доверчивостью и другими подобными чертами. Лис олицетворяет хитрость и коварство, медведь – доверчивость, осел – глупость и т.п. Эти качества подсмотрены вовсе не у реальных животных, они приписаны героям уже первых «ветвей», так же как и роли, социальные и психологические, персонажи получили их навсегда.

По мере того как «Роман о Лисе» приобретает популярность в Средние века, усиливается наделяние персонажей качествами человека: часто встречается бурлескное описание общества, становятся привычными и широко распространенными шутки о непостоянстве и коварстве женщин, вседозволенности и лицемерии священников, жестоком эгоизме и ограниченности господ. Не только это, но и ситуации, намеренно выбранные из повседневной жизни, иногда приобретали особую остроту. «Роман о Лисе» хорошо соотносится с менталитетом современников эпохи, их простодушием и мудростью, чувством юмора и с зарождающимся интересом к нравственному воспитанию. Наравне со сказками он стал полноценным способом средневекового народного самовыражения. В XIII–XIV веках и позже этот роман, наряду с «Романом о Розе», был самым читаемым и переписываемым произведением.

Рассмотрим особенности приема антропоморфизма в средневековом романе, которые нашли отражение и в поэме Гёте. В отличие от басен и волшебных сказок, в «Романе о Лисе» антропоморфизм не способствует окончательному определению природы героев, а представлен как способность к постоянным изменениям, своего рода шаткое равновесие между двумя мирами. В лэ Марии Французской «Бисклаврэ» (*Bisclavret*), повести об оборотне, напротив, муж (человек), превратившийся в дикого зверя, сохраняет рассудок и интеллект, но его превра-

щение является полным и окончательным. В «Романе о Лисе» трансформация частична, никогда не достигает окончательной фазы, в тексте постоянно сменяют друг друга животное и человеческое начала персонажей, часто описание представляет скорее переходный характер состояния героев: они и люди, и животные. Подобное непостоянство обусловлено эффектом контраста, создаваемого авторами [1, с. 36]. Так, из норы Малпертуи мгновенно превращается в могущественный и неприступный замок. Уходя от погони, Ренар прищипоривает коня (ранее не упоминалось о том, что лис передвигается верхом), который впоследствии бесследно исчезает. Но образ существа, среднего между животным и человеком (всадником), уже создан, благодаря наложению двух реальностей [1, с. 36].

В «Романе о Лисе» отношения между человеком и животным заведомо неправдоподобны. Одна из условных характеристик, обязательно присутствующая в описании животных, – их способность изъясняться при помощи языка, причем владеть им в совершенстве (в отличие от басен): персонажи, таким образом, говорят языком автора и читателя. В народных сказках способность разговаривать необходима животному для общения с человеком. В «Романе о Лисе», особенно в самых первых «ветвях», напротив, животное общество «закрыто», нет ни одного упоминания о существовании человека и тем более о возможности его взаимодействия с животным. Мир зверей представлен по образу и подобию человеческого (несмотря на то что животная природа персонажей велика и очевидна), но человек не имеет туда доступа, и язык служит для общения лишь в мире зверей. В тех «ветвях», где присутствует человек, персонаж-животное становится обычным зверем, который чаще всего является объектом охоты. В присутствии человека использование животным языка может принимать разные формы. Например, в «ветви» «Ренар и угри» Лис обращается к рыбакам в повозке и дает комментарии на своем животном языке, и ничто не свидетельствует о том, что люди его понимают. В некоторых «ветвях» представлены объемные диалоги между животным и человеком: в истории о медведе Брауне и крестьянине Лиетаре персонажи владеют языком в одинаковой степени, и весь сюжет основан на способности двух разных существ общаться.

В отличие от басен и народных сказок, способность зверей в «Романе о Лисе» разговаривать вовсе не имеет целью создать эффект сказки, чуда: животные сами по себе создают для читателя зоологический мир вполне реальный и

знакомый человеку (за исключением фантастических животных в «Свадьбе льва Нобля», которые лишены способности говорить), а авторы постоянно отсылают к сельской или придворной жизни, столь знакомой их современникам.

Звери наделены достоинствами и недостатками людей. Для их описания употребляются эпитеты, используемые часто для характеристики человека. Животные являются представителями человеческого мира и даже разделены на различные сословия современного авторам общества, e.g. в средневековом тексте: *baron de rase* (благородный барон), *messire Brun* (мессир Браун), *Votre Seigneurie* (Ваша милость), *Dom Renard* (дон Ренар), *Sire* (Сир), *Mon prince* (Мой государь), *manants* (вилланы, сельские жители) [2], а в поэме Гете, например: «Вот вы увидите, выскочит в маршалы он, мой противник», «равный мне происхождением», «О, мой великий король-государь!», «многим баронам известно...», «Мы, беднота, – князьям не чета» [3].

«Государство» зверей организовано по образу и подобию человеческого. Лис Ренар и другие животные являются одновременно представителями животного и человеческого миров, обитателями леса и феодалами, которые скачут на боевых конях, защищают свои права в суде, возводят замки. Животные имеют должности в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию, что чаще встречается в поэме Гете: «Я канцлером назначен», «Их папенька – важная личность», «Я в тайном совете / Вновь состоять приглашен, что и нашему роду послужит / К чести и пользе. Я канцлером даже назначен имперским / Во всеуслышанье! Мне вручена и печать государя!». К тому же персонажи объединены родственными связями, реальными или вымышленными, которые имеют для них значение и играют важную роль в их отношениях, что ярко иллюстрирует средневековое сознание – если нет родства, то и обязательств никаких. В средневековом романе встречаем указания на практически все родственные связи: «*oncle, tante, neveu, poules jumelles*» (дядя, тетюшка, племянник, курочки-близняшки); и в поэме Гете: «мои родичи – дядя и тетя», «общего нет ничего между нами, родства и подавно», «в родичи тут записались, и жен и детей притащили». Каждый мог положиться на своих родственников, и их статус принимался во внимание при обсуждении той или иной личности, чаще всего лиса. Так, например, говорит Лев в средневековом романе, пытаясь определить наказание для Рейнеке: «*Renard est un mauvais drôle, mais ses parents ont le nombre et la puissance...*» (Ренар отпетый мошенник, но его

родственники такие многочисленные и могущественные... (перевод автора статьи)). Временами некоторые, особенно искусно это делает Лис, манипулируют окружающими, представляясь родственниками, в целях получения личной выгоды.

Помещенные в контекст «человеческого мира», персонажи этих произведений и взаимодействуют как люди. Они знают иностранные языки, и мы находим описание манерности придворных в средневековом варианте: «*Il laissait aux manants la langue maternelle, / Et vous pinçait le beau français*» (с деревенщиной говорит на родном языке, / А с вами манерно по-французски), и в поэме Гете: «Выступил песик по имени Вакерлос / И по-французски стал излагать». Но, учитывая временной промежуток между двумя произведениями, следует заметить, что французский язык в них понимается по-разному. В случае средневекового романа это официальный язык двора, на который переходят с местного диалекта, используемого необразованным населением, а в «Рейнеке-лисе» это иностранный язык, язык дипломатов и образованных дворян. В этом же произведении отразился факт развития и распространения образовательных учреждений, которые к моменту создания «Романа о Лисе» в Средние века только начинали появляться. Так лис Ренар теперь выступает не только мудрым советчиком короля при разрешении сложных вопросов, но и образованным придворным: «В Эрфуртской школе когда-то учился я очень усердно у мудрецов и ученых. Я перед магистрами права ставил вопросы и сам разрешал их. Я был удостоен степени лиценциата».

Относительно способности говорить отметим, что начиная с первых «ветвей» средневекового «Романа о Лисе», речь животных, скопированная до мельчайших деталей с человеческой, превосходит по важности все прочие формы общения в животном мире. Поражает разнообразие как лексическое, так и стилистическое: комплименты и выражения вежливости, принятые в определенную эпоху и используемые в повседневной жизни в высшем обществе и в народе, формализованный придворный язык, подражание любовным речам, язык судебных разбирательств, отточенный на протяжении нескончаемого процесса над Ренаром, многообразие религиозных выражений, вульгаризмов, бранной лексики.

Животные персонажи, как и люди, стремятся к материальному благополучию. Отметим сразу, что с развитием общественных отношений повышается и планка успешности. Поэто-

му у Гете идея достатка и успеха значительно «выросла» в сравнении со средневековыми ценностями. В «Романе о Лисе» читаем «*et cherchant le succès*» (в поисках успеха), в «Рейнеке-лисе» – «Мы в чести заживем и довольстве». И добыть пропитание теперь нужно, следуя не настоящим звериным законам: звери не охотятся, а обманом получают добычу (например, неизменные истории про рыбу на возу у крестьянина или кражу поросенка со стола священника). Охота на живую добычу считается преступлением. Так, Лис, съевший курицу, в глазах животных – преступник (во всех вариантах романа).

Если в средневековом романе антропоморфизм не выходит за привычные рамки, а животный мир еще присутствует в жизни героев и в описании внешности, поступков присутствуют черты животного, то у Гете звери настолько «забыли» о своей природе, настолько вписались в картину человеческого общества, что даже противопоставляют себя себе подобным. Мы находим призыв не уподобляться животным: «Так, на дурные примеры ссылаясь, они обезьянам / Уподобляются, созданным для подражания, поскольку / Мышление, выбор, на их беду, не даны им природой». Герои произведений в точности как люди спорят, сражаются, отстаивают честь в суде: «Честь в поединке добывший, ее закрепит за собою», «Изегрим-волк приступил к обвиненью», «Сражаться мы будем, знак вызова на поединок», «принял король их залого», «обдумайте тактику вашу», «дали присягу противники». Здесь стоит подчеркнуть, что порядок внесения и рассмотрения жалоб в обществе зверей у Гете более сложный, чем в Средние века, где ко двору короля льва Нобля приходят звери и в порядке очереди просто жалуются на лиса, а лев практически сразу выносит приговор. У Гете уже есть порядок изложения претензий и сроки рассмотрения дела, также как и совет, состоящий из приближенных Льва, для обсуждения сложных дел.

В рассматриваемых произведениях антропоморфизм служит связующим звеном между двумя мирами: реальным и «вымышленным». «Вымышленный» – понятие здесь относительное, ведь это копия реального мира людей [4, с. 410]. Но преподнести его читателям под масками животных означало дать возможность оценить характеры, встречающиеся наверняка в их окружении, качества, поступки, видеть отношение к ним других. Ведь государство, описанное в романе, хоть и построено с соблюдением всех правил иерархии, но все же выглядит примитивно и легко подвергается критическому анализу. Кро-

ме того, критиковать общество, называя представителей государств их именами, было просто опасно для авторов. Третьей причиной могло стать то, что средневековый читатель и слушатель привык к очеловечиванию зверей в столь популярных животных сказках и умел легко находить в них мораль и сопоставлять героев с членами своего общества. К тому же изображение человека под маской животного создает, с одной стороны, яркий контраст, а с другой – поражает сходством характеров персонажей-животных и реальных людей и позволяет дать более смелый анализ общества и власти. Авторы, введя в повествование знакомых по сказкам героев и поместив их в мир людей, упростили тем самым интерпретацию произведения, заложенные в романе идеи обращены к личному опыту читателя. Сюжет Средневековья и художественные приемы, составляющие особенности «Романа о Лисе», оказались актуальными в последующие эпохи. Принцип животного эпоса оказался наиболее подходящим способом выражения недовольства социальным строем, властью, духовенством, явился ярким (а в случае с поэмой Гете и неожиданным) способом изображения современной действительности [5, с. 17].

Вслед за А.Д. Михайловым, рассматривавшим прием антропоморфизма в средневековом романе, заметим, что и в поэме Гете наряду с антропоморфизмом «появляется вполне осознанный зооморфизм: под условными животными масками обнаруживается «нечеловеческое», звериное в человеке, человек приравнивается животному, низводится до него» [6, с. 8]. Животный образ не маскирует, а, наоборот, подчеркивает человеческие недостатки: животные в «Романе о Лисе» «не копируют человека <...>, не воплощают его, а изображают с известной долей отстранения, на некотором расстоянии, откуда многое видно лучше и точнее» [6, с. 8].

Итак, на примере двух произведений выявлено, что прием антропоморфизма являлся одним из самых естественных и понятных способов создания картины средневекового общества, персонажей, их характеристик и взаимоотношений. Он сохранил свою актуальность и в поэме Гете, где описано общество, значительно отличающееся от средневекового. Но независимо от времени создания произведения читатель видит несоответствие между провозглашаемыми высокими идеалами общества и реальностью. Приемы антропоморфизма, служившие изначально, в первых «ветвях» французского романа, для развлекательных целей, стали со временем основным сатирическим приемом и не утратили своей силы и несколько веков спустя.

Список литературы

1. Le Roman de Renart / texte établi par Noayuki Fukumoto, Noboru Harano et Satoro Suzuki ; rev., présenté et trad. par Gabriel Bianciotto. Paris: Librairie générale française, 2005. 991 p.
2. Le Roman de Renart / texte établi et trad. par Jean Dufournet et Andrée Méline, Paris, Flammarion, 1985, 2 vol. (504p., 504 p.)
3. Гёте И.В. Рейнеке-лис / Пер. с нем. Л. Пеньковского. М.: Худож. лит. 1984. 192 с.
4. Bossuat R. Le Roman de Renard. Paris: Hatier, 1971. 192 p.
5. Dufournet J. Le Roman de Renart, entre réécriture et innovation. Orléans: Paradigme (Medievalia 64), 2007. 248 p.
6. Роман о Лисе / Пер. со старофранцуз. А.Г. Наймана. Предисл. А.Д. Михайлова. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. 160 с.
7. Castex P.-G., Surer P., Becker G. Histoire de la littérature française. Paris: Hachette, 1984. 975 p.
8. Flinn J. Le Roman de Renart dans la littérature française et dans les littératures étrangères au Moyen Age. Toronto: University of Toronto Press, Romance Series 4, 1963. 732 p.
9. Foulet L. Le Roman de Renard. 2e éd., Reproduction en fac-similé. Genève: Slatkine reprints, 2007. 574 p.
10. Garnier, P. Goethe. Un tableau synoptique de la vie et des oeuvres de Goethe et des événements de son époque. Paris: P. Seghers (Sarcelles, Impr. de Sarcelles), 1960. 221 p.

**PECULIARITIES OF ANTHROPOMORPHISM IN THE «REYNARD CYCLE» (1175–1205)
AND GOETHE'S «REINEKE FUCHS» (1793)**

E. V. Kazakova

We examine the peculiarities of creating images of the main characters in the medieval and 18th-century works, the similarities and differences in the implementation of the method of anthropomorphism in the medieval novel and in the poem by Goethe.

Keywords: anthropomorphism, medieval novel, interpretation, variant.